

Среда, 16 августа 1989 года

Веч. Москва

Слово об Артисте

ВЕСЁЛЫЙ ЧЕЛОВЕК С ГРУСТНЫМИ ГЛАЗАМИ

По ЦТ недавно завершился показ фильмов с участием Андрея Миронова. Большинство из них мы видели прежде, и не один раз. Но собранные вместе и показанные теперь, когда актер ушел из жизни (сегодня — ровно два года, как это случилось), они и воспринимаются совсем по-другому. Верно сказано: с появлением кинематографа актерский труд обрел бессмертие.

Миронова любили. Любили зрители, коллеги, друзья, критики. Сегодня мы предлагаем вам короткие признания в любви к актеру тех, кто работал с ним. Это — фрагменты из сборника, который готовит издательство «Искусство». Книга так и будет называться: «Андрей Миронов».

АНАТОЛИЙ ЭФРОС: «С Андреем Мироновым я как режиссер встретился дважды. Один раз на телевидении, когда предложил ему роль Грушницкого в «Страницах журнала Печорина». Другой — в Театре на Малой Бронной, позвав его в спектакль «Продолжение Дон Жуана» по пьесе Э. Радзинского... Я тоскую по актерской сосредоточенности. И в Миронове я ее нашел. Нашел мгновенное понимание и сосредоточенность. Он сразу понял (а актер понимает не только головой, не только логикой), почему ему, с его кинозвездной популярностью, в нашем фильме предложена не главная роль Печорина, эффектная как бы во всех отношениях, а роль закомплексованного Грушницкого, который только стремится изо всех сил быть эффективным... Миронов умеет, не задумываясь, привносить в роль что-то от себя и очень точно это свое в роли укладывать...».

МАРК ЗАХАРОВ: «Миронов ушел из жизни молодым, очень веселым, на редкость остроумным, полным сил, любви и энергии. Ушел мгновенно, не успев подготовиться к смерти... Трагическая смерть приподняла его над нами. Мы заново оцениваем его путь. Именно сейчас, когда он медленно восходит к тому высокому уровню в истории отечественного искусства, который завоеван честной работой, оплачен счастливой, но дорогой ценой».

ЛЕОНИД ХЕЙФЕЦ: «Только один раз в своей жизни встретился я с Андреем Мироновым в работе. Это было на телевидении около двадцати лет назад. Я ставил телевизи-

онный спектакль «Рудин» (по роману И. Тургенева)... С тех давних пор и до конца своей жизни Миронов блистательно играл блистательные роли. Мне кажется, что по отношению к нему и его индивидуальности слово «блистательный» является наиболее подходящим... Смотрю ленты, телепередачи с его участием, откуда он снова приходит к нам блистательным, обворожительным и очень талантливым артистом и человеком. Почему-то связываю его судьбу с судьбой другого великого актера — француза Жерара Филипа, тоже ушедшего от нас в расцвете своих творческих сил. И мне кажется, что Андрей Миронов — это наш Жерар Филип, а может быть, кто-то мог бы сказать про Жерара Филипа — это наш Андрей Миронов».

АРКАДИЙ ХАЙТ: «Не знаю почему, но на всех фотографиях у Андрея Миронова грустные глаза. Это удивительно: даже когда он улыбается, глаза все равно остаются печальными. А ведь Андрей был самый веселый, самый остроумный человек из всех, кого я встречал в своей жизни... Время идет, приходят новые актеры, может быть, более талантливые и более глубокие. Но никогда у нас не будет Андрея Миронова, человека, который так любил жизнь и умел это делать, как никто другой».

РАЙМОНД ПАУЛС: «Я думаю, мы потеряли очень редкого актера, необычно музыкального, которого, к сожалению, использовали далеко не полностью. Андрей был невероятно элегантный, современный советский Шевалье. И никто, к сожалению, не на-

писал для него сценария, где бы можно было использовать его великолепные музыкальные данные».

МИХАИЛ КОЗАКОВ: «Андрей Миронов, Андрюша привносил в нашу задерганную и тревожную жизнь свою неповторимую светлую краску; он давал особый тон, ноту, рождая мелодию и одаривал своих друзей, знакомых, зрителей, сидящих в театральном зале, десятки тысяч любителей кино и миллионы людей перед экранами телевизоров в кругу семьи. Он стал для многих желанным и дорогим гостем, непременным участником самых любимых праздников в году».

АЛЕКСАНДР ВОЛОДИН: «Вот как странно: уходят из жизни художники крупных дарований, горячо любимые ценителями. Но лишь один, друг мой, оказывается, были любимы народом. Так вышло, что жизнь Андрея Миронова была одарена народной любовью. Почему так вышло, что причиной? В нем было то, что в человеке почитается и академиком, и уборщицей, и школьником. А помимо того — и что-то еще».

АЛЕКСАНДР ГЕЛЬМАН: «Признаваться в любви надо при жизни. Теперь могу только сказать, что, когда артисту такого дарования, как Андрей Миронов, твой текст дорог, желанен, это укрепляет веру в свои силы. Может быть, это и было главным его качеством человека и артиста — помогать людям укреплять веру в свои силы».

ЭЛЬДАР РЯЗАНОВ: «Когда не стало Андрея, наша сцена, кинематограф, телевидение лишились какой-то доброй, веселой, музыкальной, обя-

тельной, жизнерадостной краски. Наше искусство стало более бедным, более тусклым, в нем стало не хватать неповторимой мионовской улыбки, его изящества, его изысканного вкуса, стало не хватать доброй иронии, за которой всегда светились умные и грустные глаза...».

ЮРИЙ НИКУЛИН: «Он прожил короткую, но очень насыщенную жизнь. Кто знает, может быть, организм не выдержал этой насыщенности. Надо иметь крепкое, очень крепкое здоровье, чтобы выдержать такую нагрузку... Раньше, вспоминая Андрея, я невольно улыбался, и у меня появлялось ощущение радости... А сейчас, если мне говорят «Андрей Миронов», становится так не по себе. Вообще когда люди уходят — ужасно, но когда молодой...».

АЛИСА ФРЕЙНДЛИХ: «Мне до обидного мало довелось быть партнершей Андрея — одна сцена, всего несколько часов съемок в «Соломенной шляпке». Но я была восторженным его зрителем. Необыкновенно веселый человек с грустными глазами, не успев Андрейша в полной мере реализовать драматическую суть своего дарования... Казалось, все, что он сыграл, и сыграл замечательно, не считал он главным, просто разминкой, а главное — впереди. И к этому главному он бежал, захлебываясь. В те короткие пересечения — на отдыхе, в концертах, на съемочной площадке или в гостях у друзей — он всегда был душой и пульсом компании, я поражалась ритмам, в которых он жил. Тогда мне казалось, что это результат неудержимого темперамента, теперь я думаю, что это было подсознательное чувство краткости отпущенного ему пути, потребность успеть, ощутить, сказать... Он торопился».

Из пятисот страниц книги непросто выбрать несколько. Один перечень имен авторов занял бы половину предоставленного места. Здесь и школьные товарищи, и Вера Васильева, Олег Табаков, Юрий Темирканов, Геннадий Гладков, Ян Френкель, Александр Ширвиндт, Орест Верейский, Георгий Товстоногов, Евгений Лебедев, Григорий Горин, Михаил Роцин, Алла Сурикова, Семен Гейченко и многие другие, знакомые и незнакомые, для кого Андрей Миронов был общим другом.

Б. ПОЮРОВСКИЙ.